

Blue jeans

1984

Рев мотора был слышен во всем восточном корпусе полицейской академии Портленда. Подъезжавший к зданию байк оставлял на земле, мокрой от недавно закончившегося дождя, глубокие грубые следы. Они заканчивались прямо у входа в здание, но продолжались следами ботинок, с которых их владелец стряхнул грязь уже поднимаясь по ступенькам.

Преподаватель разбирал с первокурсниками стандартное дело об убийстве всей семьи в собственном доме запертом изнутри, когда дверь в светлую аудиторию распахнулась и в нее, как отметил про себя профессор, ввалился, молодой человек, очевидно первокурсник и владелец байка, шум от которого был слышен с улицы пять минут назад. Тот быстро поздоровался, извинился и занял место на первом ряду, чем удивил большую часть присутствующих.

Профессор продолжил лекцию, но мыслями постоянно возвращался к опоздавшему студенту - тот кого-то ему напоминал.

- Какие варианты приходят вам в голову, когда вы знаете, что в дом никто из посторонних не проникал? - обратился преподаватель к студентам.

- Убийца кто-то из членов семьи, - слышалось с задних рядов.

- Скорее всего отец.

- А вдруг это мать. Узнала про измену мужа и понеслось, - кто-то в правой части аудитории неудачно пошутил.

- Может это она изменила и у мужа поехала крыша.

С разных мест доносились очевидные, но неверные ответы.

- Преступник, не член семьи, был внутри какое-то время, может даже несколько дней, дождался момента и сделал дело, - кто-то на первом ряду перебил разгоравшийся спор.

Это был тот самый опоздавший студент: кожаная куртка вся в трещинах и давно выгоревшая на солнце, в лучшие времена она явно была черного цвета. Растрепанные темно-коричневые волосы, вряд ли парень делал укладку, наверняка просто ездит без шлема и форму волосам придает ветер. Его лицо все еще казалось знакомым, а такие интонации в голосе профессор точно слышал раньше. Он подошел ближе к тому месту где сидел отвечающий и задал ему вопрос:

- Есть какие-то предположения о мотиве?

- Это может быть что угодно. Банальное преступление на почве той же ревности до убийств от рук психопата, который выбирает счастливую семью и решает это счастье завершить, - без замедления ответил студент с первого ряда.

- Верное направление мысли, молодой человек, как вас зовут? Какая группа?

- Четвертая, Кейн Роджерс.

Сердце Джона Харриса - так звали профессора - пропустило удар.

Глава 1

2001

Холодный ноябрьский дождь капает на лобовое стекло черной легковушки, одиноко стоящей у полицейского участка. Ее владелец снова работает допоздна, поэтому, если так вообще можно сказать про машину, она давно привыкла и верно ждала своего водителя, который не первый месяц выходит из здания участка уже за полночь.

Полгода назад начали пропадать люди, а потом их тела находили в разных местах по всему городу. Все случаи убийств, которых накопилось уже шесть, объединяло одно - театральность места

преступления. Преступник делал тело жертвы элементом уникальной композиции, замысел которой знал только он.

Кейн Роджерс не просто так был приставлен к этому делу как главный следователь. Именно его имя было на конверте того письма, которое привело полицию к телу первой жертвы. Именно в тот день, когда Роджерс с небольшим опозданием вошел в участок, девушка-стажер, догнав Кейна у лифта, передала ему почту. Там были письма из суда, лаборатории - результаты экспертизы по текущему делу (с запиской Колинза, тот приглашал в бар после работы), и одно письмо, которое принес явно не почтальон. На нем не было никаких почтовых марок, обратного адреса, да и конверт был простым и самодельным. Кто-то пришел к участку и сам положил в почтовый ящик письмо.

В письме лежали три фотографии.

На одной было изображено здание заброшенной галереи в старом районе. На второй высокая кирпичная стена. На всей ее площади прикреплены яркие зеленые растения разных видов, сквозь которые змеями пробирались толстые ветки.

На ветках подобно елочным игрушкам были подвешены части тела: руки, ноги, туловище и голова. На последней фотографии был крупный план головы, на лбу которой аккуратно прикреплен стикер с надписью «Лень».

Полицейский патруль прибыл на место через пятнадцать минут.

Все что было на фотографиях видно с порога. По центру противоположной входу стены тянулась арка из крупных темных веток, стебли растений вились по поверхности, переходя на части тела, не давая им упасть на пол. Жертвой была белая женщина, возраст около 55-60 лет, телосложение худое, обнажена.

Все помещение пропитывал цветочный запах, но он шел не от цветов на стене, это не было похоже на духи, скорее на ароматизатор, которым пользуются в общественных местах по типу торговых центров.

Этот запах был на всех следующих местах преступления – их было пять, и каждое происходило по одной и той же схеме.

Детективу в участок приходило письмо с тремя фотографиями, на которых было запечатлено уже совершенное убийство. Полиция приезжала на место через 15 минут после получения конверта, а сами убийства были совершены ночью. Жертвами были мужчины и женщины от 50 до 70 лет. Все были обнажены и у всех на лбу висел стикер с подписями в одно слово - название каждого смертного греха. Никаких других улик преступник не оставлял, работа всегда была чистой. Составленные им композиции из различного декора и главного объекта - тела жертвы, в какой-то извращенной степени можно было назвать искусством, все в них выдавало человека высоких культурных интересов.

Все что оставалось Роджерсу это искать взаимосвязь между жертвами в их прошлом и настоящем, чем он и занимался уже на протяжении шести месяцев. Смертных грехов семь, уже произошло шесть убийств, значит осталось последнее, и детективу во что бы то ни стало надо раскрыть дело до того как убьют последнюю жертву.

Часы показывали начало первого ночи, когда детектив вышел из участка и сел в машину. Алекс, скорее всего, уже спит, но Роджерс все равно решил поехать именно к ней.

Вывески баров освещают улицу, указывая какое место этой ночью стоит посетить. Между ирландским пабом и кафе для новомодных интеллигентов находится заведение, над его входной дверью висит такая же неоновая, как и все остальные на улице, вывеска, говорящая о том, что место называется «Галерея Джона» (John's Gallery).

Кейн остановил машину прямо напротив галереи. Взяв куртку с заднего сиденья он накинул ее на плечи и вышел под дождь, который

кажется только усилился. Зайдя внутрь он провел рукой по влажным волосам, из-за дождя они кажутся практически черными.

В помещении стояла полутьма. Горели два источника света: прожектор над небольшой сценой и три тусклые лампочки в барной зоне. Из колонок тихо доносились строчки из песни группы Blondie. На краю сцены, на которой стоял большой рояль, три гитары в ряд и стойка с микрофоном, с бокалом в руках сидела девушка. Ее голова была опущена, а свободная рука качалась в такт музыке. Светлые волосы и легкое белое платье ловили на себе яркий розовый свет с улицы.

Детектив не спеша прошел к барной стойке, опустил куртку на спинку стула и направился напрямик к сцене.

- Ты не спишь, - мягко начал он, обращаясь к девушке.

- Я ждала тебя, - ответила она, поднимаясь, - ты обещал прийти пораньше.

- Прости, мне казалось я нашел зацепку, но в итоге ничего не сошлось. Только зря пропустил свидание.

Детектив хотел обнять девушку, но та развернулась и пошла в сторону бара.

- Алекс, - окликнул ее Роджерс, - мне правда очень жаль.

- Я знаю, Кейн, это твоя работа, - она повернулась и смотря ему в глаза произнесла, - пойдём спать.

«...»

Детектив сидел на диване в кабинете начальства.

Из кресла напротив твердым взглядом на него смотрел начальник. Три года назад ему предложили должность директора ФБР, но старик не захотел оставлять своих детишек.

Вечно упертый, вечно недовольный, не любящий перемен Пирс Колсон послал подальше управление и остался в отделе, который по праву считал своей семьей. Каждое утро, кроме утра выходного дня, вот уже тридцать девять лет он приходит в этот офис, видит знакомые стены, знакомые портреты. Он пережил десятки офисных кофеварок, и, видит бог, планирует пережить еще столько же.

Кейна он знает с малых лет, дружил с его отцом вплоть до смерти второго, когда мальцу было всего 17. Приютил, не бросил, научил всему, что пригодится. Когда пришло время отправил в полицейскую академию, даже рекомендации написал.

«...»

– Роджерс, выключи режим святоши, – прямо начал разговор Пирс, – полгода висишь с этим делом, раскрываемость упала, вон круги какие под глазами отрастил, сделай мне одолжение – не будь дураком, ты же уже давно все понял.

– Понял, а толку? – наконец-то ответил детектив, – осталась последняя жертва, если верить этой идиотской библейской схеме, – детектив оттолкнулся от спинки дивана, – уже были гордыня, жадность, гнев, зависть, чревоугодие и лень, осталась похоть.

– Он уже дал подсказку? – Нет.

Все шесть убийств прошли по одной схеме: преступление, подсказка и никакого наказания. Детектив всегда приезжал на место преступления поздно, когда дело уже сделано, он так и не смог понять, кто будет следующим и как это предотвратить. На втором убийстве Детектив все понял, на третьем он окончательно убедился.

– Джон считает, что на похоти он сдастся.

– Харрис?

– Да, говорит, я скоро получу приглашение в театр и Похоть умрет на моих глазах, – Детектив хмурится, – говорит он гедонист-актер, королева драмы. Возможно что-то произошло в детстве или юности и

теперь он возомнил себя вершителем судеб, но благой цели нет – для людей, это что-то личное, так что и опасности для общества нет, бомбы оставлять под землей не станет. Я думал о месте, где может быть следующий раз. Пирс, мне кажется это должна быть церковь, если брать ответ на поверхности, все так и должно быть, Джон говорит, что это возможно.

– Кейн, я бы не стал-

– Пирс, я знаю, что ты сейчас скажешь, но я ему доверяю.

Колсон посмотрел в глаза Роджерсу, уверенности он там не увидел.

– Слушай, я в курсе твоей, эм, проблемы, не слепой, обещаю мне-

– Нет никакой.. проблемы.

– Обещаю мне, – повысил голос Колсон – что не проебешь дело из-за этого недобитого гения.

– Обещаю. Детектив поднялся.

– Подожди, – Колсон вытащил из-под стола обклеенную скотчем коробку, – нашел в гараже вчера, подписана твоим отцом, в первый раз вижу ее.

Детектив подошел к столу, поднял коробку, не очень тяжелая, сразу понятно внутри бумаги. Старые дела?

– Ладно, пойду работать, спасибо.

Зайдя в кабинет, привычно разобрав почту и не увидев письма с приглашением, Роджерс решил заглянуть в отцовскую коробку.

Старые фотографии детей напротив церкви, наверное, какой-нибудь летний католический лагерь или приют, фотографии семей, на некоторых из них Детектив заметил ребят с общего фото. Под фотографиями лежала папка: полицейский отчет, описание подозреваемого, фотографии церкви, явно сделанные издалека, вырезки из газет, чеки, документы об усыновлении и смене имени.

Последнее сбило Роджерса с толку, он знал этого человека. Продолжив осмотр коробки, он увидел еще несколько фотографий.

На первой изображен мальчик лет семи, светлые волосы опущены ниже плеч, он сидит на лавочке и ест сладкую вату, искренняя детская улыбка застыла на загорелом лице, все в нем выдавало будущего серфингиста. На следующей фотографии кажется тот же самый мальчик, но на пару лет старше, он стоит в комнате – медкабинет, снятая футболка лежит на кушетке справа, на теле много синяков, видимо подрался. На следующих фотографиях было то, к чему за годы работы в ФБР Роджерс ужасающе привык, то, что не должно существовать в этом мире, то, что не должно происходить с детьми.

На дне коробки Детектив нашел еще фотографии, на них изображен юноша лет семнадцати, Роджерс уверен, что это повзрослевший мальчик с первой фотографии, у него светлые волосы, которые все также спускаются ниже плеч, но на лице больше нет улыбки, а во взгляде читается смирение и усталость. Подросток сидит на красном диване между взрослыми мужчиной и женщиной. Лица мужчины не было видно, но женщину Детектив распознал сразу – Лень. Кажется, Кейн Роджерс раскрыл дело.

«...»

Солнце медленно спускалось за горизонт. Поднявшись на крышу Роджерс медленно прошел вперед к так удобно расположенному старому не работающему кондиционеру. Облокотившись на него он посмотрел вдаль и задумался.

Может ли оказаться убийцей тот, кто все эти годы был ближе всех? Тот с кем ты годами проводил вечера за бесконечными беседами.

«...»

Джон Харрис – профессор в университете Портленда, доктор юридических наук, специализирующийся на психологии преступника, и

бывший специальный консультант ФБР по вопросам составления психологического портрета особо опасных преступников.

На улице серо, идет дождь – обычная погода в это время года. Профессор стоит напротив окна, на шестом этаже, в своей квартире в северо-западном Портленде. На солнце его волосы кажутся пшеничными, но сейчас они выглядят просто русыми. По привычке пальцы Джона тянутся убрать прядь за ухо, но вспомнив на пол пути к лицу, что пару дней назад длина до плеч стала длиной до уха, он останавливается.

– Знаешь, когда я только сюда переехал, вид из окна был другой. Мне нравилось каждое утро смотреть на реку, порт, корабли. Теперь я вижу только стену из домов, а по утрам наблюдаю за собачниками и наркоманами.

– Но ты любишь собак – с теплой улыбкой сказал Детектив, подходя к Профессору.

– Собак да, а вот хозяев, которые за ними не убирают, не очень.

Детектив смеется.

В этой квартире он всегда улыбается, в этой квартире он никогда не хочет выпить от усталости, не хочет думать о работе, о всех горе-маньяках, с которыми несправедливо обошлись в детстве и теперь они портят жизнь окружающим. В этой квартире он хочет читать книги, сидя у камина с потрескивающим в нем огнем, в теплых тапочках и домашнем халате, и, чтобы на другом конце дивана сидел тот, кто не выходит из головы уже семнадцать лет, и читал свои скучные книжки по психологии какого-то греческого философа, который родился не в свое время.

Кейн Роджерс хотел бы жить другой жизнью. Хотел бы не знать, как по упругости кожи определить дату смерти, хотел бы

никогда не бывать в тех мрачных уголках города, в которых он каждый раз терял веру в человечество, смотря на детский кроссовок со следами крови. Он часто думал, что бы он стал делать и говорить, будь он другим человеком. Может учителем в школе: с утра на работу, дети, уроки, проверка домашнего задания, вечером возвращение в уютную квартиру, где много дерева и книжных полок, заваленных скучными книгами по психологии, а на кухне с бокалом вина ждет тот, кто эти скучные книги купил.

Ничто в реальности не сравнится с той приятной фантазией, которую человек может придумать в своей голове. Кейн был один из тех людей, которые разучились идти вперед, в какой-то момент он просто перестал. Он ходил на работу, расследовал дела, проводил вечера у Джона. Ненадолго все изменилось, это случилось два года назад.

Тогда в галерее на Моррисон-стрит Роджерс во время задержания разбил барную стойку, а следом за ней рояль – упал на него вместе со сбежавшим преступником. На стене справа висела вольная репродукция Мона Лизы, которая как будто находилась там именно для того, чтобы ее ехидную осуждающую улыбку заметил Детектив.

– На этом рояле Элтон Джон отыграл пять концертов в Трубадуре, – начал подошедший, – а вы на нем оседлали беглеца.

– Зато красotka да Винчи цела, – отрывисто ответил Детектив, вставая и поднимая заключенного на ноги, и протянул руку незнакомке, – Кейн Роджерс, ФБР.

– Алекс Тейлор – ответила на рукопожатие девушка, – ФБР? Гонится за сбежавшим преступником?

– Я был в баре в двух кварталах отсюда, у меня выходной, – будничным тоном ответил Роджерс.

Сегодня Алекс предпочла свободные брюки цвета охры, и про себя уже посмеялась, что не прогадала.

– Почему вы босиком? – поинтересовался Роджерс.

– Я здесь живу, на втором этаже, спустилась выпить кофе, у меня тоже выходной.

– Ну, как никак взбодрились.

Это рассмешило Алекс.

В этой галерее детектив в последствии часто смешил художницу. После случая с беглецом Роджерс пришел в галерею с чеком на новый рояль, задержался на вечер и остался на ночь.

Полтора года Кейн Роджерс жил той жизнью, о которой мечтал, не замечая, что его мечты уже сбылись, только книги по психологии оказались книгами по теории искусств. Утром детектив уходил на работу, Алекс занималась галереей, по вечерам они гуляли по ночному Провиденс-парку, ели пончики на Джефферсон-стрит и уставшие возвращались в галерею.

Это длилось полтора года пока Роджерсу не пришло письмо, в котором была фотография убитой женщины, повешенной в центре огромной цветочной композиции. Тогда постепенно начала возвращаться прежняя жизнь: тяжелое утро, тяжелый день, тяжелый вечер в компании человека, специализирующегося на поведении маньяков.

Детектив начал забывать, что он больше не один, у него появился близкий человек, который с каждым днем отдалялся.

Кейн Роджерс – не плохой человек, но и не хороший. Когда появилась Алекс, он забыл о Джоне, когда профессор вернулся в его вечера, он забыл о художнице.

– Ты помнишь, как мы познакомились?

– Ты был моим студентом, – ухмыльнулся Джон.

– Это понятно, но ты помнишь сам момент?

Помедлив, Джон сказал:

– Да. Да, я помню.

– На первой лекции ты задавал вопросы только мне, взял в свою группу, а я был на первом курсе, я чувствовал себя Гарри Поттером, – улыбнулся Детектив – Я не спрашивал тебя об этом, но мне всегда было интересно, почему?

– Роджерс, ты опоздал на занятие, ввалился без стука, а твой мотоцикл было слышно за километр, когда ты подъезжал, – с нескрываемым сарказмом ответил Джон, – и на фоне всех прилично одетых подростков ты в своей воняющей кожанке уселся в первый ряд сверкая грязными ботинками, удивительно как это я тебя заметил, да?

– Моя куртка не воняла.

Теперь смеется профессор.

– Кейн, она всегда воняла сигаретами, а ты даже не куришь, – продолжал Джон, не переставая улыбаться, – слава богу, ты перестал ее таскать.

– Это между прочим из-за тебя.

– Ну конечно.

– Да! – весело сказал детектив, – ты угрожал выгнать меня из группы и перестать брать на места преступления.

– Отобрал игрушку.

– Отобрал игрушку!

Когда человек любит – он уязвим. Джек Доусон или Ганнибал Лектер – у них был бы совершенно другой конец, не будь они влюблены.

Кейн Роджерс не был исключением. Он был хорошим детективом, но ему не повезло полюбить. Не повезло полюбить человека с ужасным прошлым, человека, которого Роджерс не способен осудить, человека, которого Роджерс обязан арестовать.

Могут ли чувства оправдать неправильные поступки? И можно ли осудить человека, который пошел против закона из-за этих чувств?

Кейн Роджерс знал, как поступить правильно, но не смог.

«...»

На следующий день детектив получил приглашение.

Роджерс шел в кабинет начальника, когда его нагнал секретарь со свежей почтой, не нужно было распечатывать конверт, чтобы узнать, что в нем. Тем не менее он его открыл, на этот раз в письме было сказано:

«Церковь Святого Айзека, Северо-восток Манч-роуд, полночь.

Кейн, приходи один.

Ты все правильно понял.

Никого уже не спасти».

Письмо пахло как Харрис, книгами, мускусом, но запах сладкой ваты ярко выбивался из остальной картины.

– Так значит ты все решил, – подумал Роджерс, сложив письмо в карман, – посмотрим.

Постучав в дверь Колсона, после короткого «да» детектив вошел в кабинет.

– Пирс, как ты познакомился с Джоном?

– Через твоего отца, – ответил Колсон, ожидая этот вопрос с того момента, как отдал коробку Роджерсу, – полагаю ты уже знаешь про дело.

– Да.

– Тогда ты знаешь, что с ним случилось. Его потом хотел забрать твой отец, но ему отказали в усыновлении, ведь ты был еще маленький, а твой отец все время работал, в общем никто не дал копу-отцу-одиночке второго ребенка. Поэтому твой отец отвез его в Спрингфилд, у него там были какие-то старые знакомые по школе, парочка интеллигентов, парнишке сменили имя, он школу закончил, в университет пошел, ну, дальше сам знаешь, ты же с ним почти каждый день.

– Ты знал?

Пирс внимательно посмотрел на Роджерса, выпытывая прямой вопрос.

– Ты знал, что Джон наш серийник? – медленно произнес Детектив.

– Не с начала. Понял, когда ты сказал, что Джон говорит про церковь.

– И поэтому дал коробку?

– Я в любом случае хотел тебе ее отдать. Кейн, я не врал, я не хранил ее годами, она не моя. Скорее всего это Джон прислал, сам

подумай, у кого еще могли быть эти бумаги, твой отец специально все забрал, чтобы мальчика никто не нашел, я думал он все сжег, но видимо ошибался.

Детектив молчал, он не хотел верить в происходящее. Он был зол. Зол на отца, на Джона, но самое главное – зол на себя.

Семнадцать лет он знал Джона, знал, что он делал с самого подъема, знал каждую скучную книгу в его доме, знал, как проходил каждый его день. Но как оказалось Кейн Роджерс ничего не знал.

И он винил себя, не в том, что быть может недостаточно интересовался, а в том, что все эти убийства произошли из-за него. Когда все началось? Полгода назад, в день годовщины знакомства Детектива и Художника, тогда ровно год назад Кейн впервые не пришел вечером в квартиру Профессора, и с того дня Джон часто проводил вечера в одиночестве.

Возможно, что своим постоянным присутствием Роджерс не давал ужасным мыслям в голове Джона претвориться в жизнь?

В любом случае, сегодня в полночь все узнают правду.

*** - дальше идет часть сюжета, которая в последствии была переделана, но не переписана. Но оставляю для портфолио. Повествование там идет быстро и очень заметно, что скомкано.

Джон Харрис уважал религию, сам он не был верующим, но ему очень хотелось верить, просто потому что проще жить, когда ты знаешь, что будет дальше. Он уважал Иисуса, уважал его учения. В детстве родители брали по воскресеньям маленького Джона с собой в церковь, было скучно, но зато после проповеди ему всегда покупали сладкую вату, а какой ребенок откажется от нее в воскресенье.

Джон Харрис любил искусство, особенно искусство позднего возрождения. Сейчас, стоя между рядами сидений в церкви и ожидая Детектива, Джон думал о триптихе Хемскерка и Божьем слове.

Он смотрел на воссозданную им картину – Распятие. Только в центре не добрый человек, а демон. Демон, из-за которого Джон перестал видеть сны. Перестал быть ребенком. И сейчас этот демон в его власти.

– Джон, – осторожно позвал его вовремя пришедший Детектив.

– Роджерс, ты как всегда пунктуален.

– Джон, не делай этого, – смотря на качающегося на верёвках человека просил Детектив.

– Нет. - пауза. - Нет, я сделаю это, и сделаю громко.

– Джон, – не оставляя попыток продолжил Роджерс, – если мы сейчас отпустим его и уйдем, я обещаю, я помогу тебе..помогу нам, и мы уедем, далеко.

Кейн Роджерс отчаянно верил, что он может все исправить, может помочь.

– Роджерс, не глупи, я убил тех людей, и поверь они это заслужили. Ты не знаешь этого, я тебе расскажу. Считай это чистосердечным.

Видишь кто на окне? Это святой отец, но он итальянец, так что давай будем к нему уважительны, Падре. Про него ты должен знать, это тот самый человек, который испортил жизнь мне и многим другим детишкам, приехавшим в лагерь на лето. Он издевался над нами больше десятилетия. Наши родители не видели, как мы растем, а он видел. Справедливо? А знаешь, что произошло потом, потом мы

стали не в его вкусе, слишком взрослые. И он сдал нас в бордель. «Жара». Им управлял Рамиро Вендера. Да, правильно думаешь – Жадность. Но знаешь, у него был один большой плюс – он не любил делиться, поэтому я не работал за две недели до его прихода – а потом неделю проводил с ним. Ищи плюсы во всем, да, Роджерс?

В Жаре были и другие. Была дамочка – Камилла Винтерс, жена какого-то архитектора, он ей изменял, она бесилась, но разводиться не хотела, ведь тогда оказалась бы на улице, и тогда она открыла для себя мир Жары, снимала меня на вечер. Роджерс, она была самая жестокая из них – Гнев.

Зависть и Гордыня работали в паре. Муж и жена – одна сатана. Мистер и Миссис Тамп. Он любил мальчиков, а она его, вот и ходили ко мне вдвоем, она завидовала, а он сам из себя выходил, думая, что он настолько прекрасный и особенный, что жена с ним даже по борделям ходит.

Ты, наверное, подумал, что обжорство – это ненасытный до услуг клиент, но нет, он реально любил еду и это было видно, всегда приходил потный и вонючий, вечно пахнущий салями Даг Брорис. Не думай, что он в этом списке из-за этого, как бы не так, он был мастер на слова, на оскорбления. Я даже от филологов таких слов не слышал, какие слышал от него.

Ну, а Лень – это одна из женщин Рамиро, она все знала, но ничего не сказала, никому. Она не боялась, Роджерс, она не хотела.

– Хочешь мне помочь, Роджерс? Дай пистолет.

– Джон, послушай, пожалуйста послушай, я не хочу тебя арестовывать.

– Не подводи отца, Роджерс.

– Мой отец спас тебя, помог тебе найти лучшую жизнь, и я хочу сделать то же самое, Джон, я не буду тебя арестовывать. Я не могу.

– Роджерс, что у тебя в голове? – подходя к Детективу, начал Профессор, – Как ты себе это представляешь? Мы вдвоем возьмем и уедем, поселимся в милой деревушке, будем доить коров, сажать картошку, а по вечерам любоваться закатом? Никогда этого не будет. Возвращайся в галерею, тебя там ждет твоя мечта, я не он. Никогда им не был. И не буду. А сейчас дай мне пистолет и доставай наручники.

Детектив хотел было возразить, но двери церкви распахнулись, сзади наступал патруль, и, кажется, Роджерс даже слышал вертолет.

Джон схватил Роджерса за рубашку, притягивая ближе, другой рукой выхватывая пистолет, и повернувшись спиной к Детективу, используя его как живой щит, сделал два выстрела прямым в середину окна, на пути которой было сердце преподобного.

Наступило утро, Детектив встретил рассвет на работе, смотря на допрос Джона Харриса. Ему грозило пожизненное, но он был умиротворен и, кажется, счастлив.

– Кейн, иди домой, отоспись. Дальше мы справимся, не надо тебе этого видеть, ты хорошо справился.

– Нет, Пирс, я не справился, я был готов сбежать с ним.

– Мы оба знаем, что ты бы не смог. Вы бы пересекали границу и у тебя заела б совесть. Ты когда у меня в детстве конфеты таскал, потом всегда возвращал фантики, потому что ты слишком честный, – Колсон подбадривающе похлопал Детектива по плечу.

– И поэтому ты прислал патруль?

– Всегда есть шанс, что я могу ошибиться, – улыбнулся начальник и пошел в комнату для допроса.

Кейн бросил последний взгляд на Джона, он больше не видел в нем свой дом и свою мечту. Он видел, как будто другого человека, которого никогда и не знал, и думал сколько же из этих семнадцати лет было настоящего. Пожалуй, год до начала убийств был неплохим, даже лучшим в его жизни. Джон был прав, надо возвращаться в галерею.